

© 1998 г. А.А. ПЛЕТНЕВА

ДИСКУССИИ О ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В КОНЦЕ XIX в. ПОЗИЦИЯ АРХАИЗАТОРОВ*

Настоящая статья посвящена одному из вопросов истории церковнославянского языка нового периода. Еще до недавнего времени эти вопросы не привлекали достаточного внимания исследователей. Такое положение дел, на наш взгляд, объяснялось следующими двумя причинами. С одной стороны, история церковнославянского языка являлась объектом филологических исследований лишь на том временном промежутке, когда он функционировал и как язык богослужения, и как литературный язык (т.е. до XVIII в.). К XVIII в. церковнославянский утратил функцию литературного языка, и потому дальнейшая его история находилась на периферии интересов современной филологии. С другой стороны, общераспространенным являлось мнение, что история церковнославянского языка как таковая в XVIII в. с изданием Елизаветинской Библии заканчивается, никаких изменений в богослужебных книгах в последние два века не наблюдается и следовательно, отсутствует сам предмет изучения.

Как показали исследования последних лет [Кравецкий 1994; Кравецкий, Плетнева 1996; Кравецкий 1996; Плетнева 1994; Наумов 1992; 1996], церковнославянский язык на протяжении XVIII–XX вв. имел свою историю: в это время создавались новые тексты, производилось исправление богослужебных книг, вопросы языка обсуждались в периодической печати и на Поместном Соборе 1917–1918 гг.

В конце XIX – нач. XX в. в церковных кругах большое внимание уделялось дискуссиям о церковнославянском языке. В центре этих дискуссий стоял вопрос понятности текстов для прихожан православных храмов. Многие придерживались того мнения, что эти тексты непонятны без комментариев или толкований, что богослужебные книги никоновской редакции далеко несовершенны и содержат большое количество неточностей и неверных переводов. Предлагались различные варианты выхода из сложившейся ситуации: новое исправление богослужебных книг, новый перевод с греческого языка на славянский, издание текстов с комментариями, параллельным русским или греческим текстом. Периодически предпринимались попытки исправления и упрощения текста богослужебных книг. В результате этих работ, носящих часто экспериментальный характер, церковнославянский, сохраняя свои морфологические особенности, на уровне лексики и синтаксиса был в значительной степени приближен к русскому языку, а богослужебные тексты соответственно отдалялись от греческого оригинала [Плетнева 1994: 110–115].

Мнение о необходимости упрощения церковнославянского языка наиболее последовательно отразилось в опубликованных в 1906 г. "Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе" (СПб, Т. 1–3). В 1905 г. в ожидании Поместного Собора епархиальным архиереям были разосланы анкеты с вопросами о перспективах развития церковной жизни. В анкетах не было специальных вопросов о языке богослужения, однако многие иерархи (приблизительно третья часть от всех отвечавших) считали нужным высказаться по этому поводу. Признавая культурную и духовную ценность церковнославянского языка, они писали о необходимости сделать его более понятным для народа, исправить грецизированный синтаксис и те слова, которые носителю русского языка непонятны без словаря. Однако мнение сторонников обнов-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 97-04-06-305.

ления церковнославянского языка и прояснения текстов не было единственным. Существовала и другая позиция – назовем ее условно архаизаторской – рассмотреть которую и является целью настоящей статьи.

Архаизаторские (охранительные) тенденции в церковной жизни конца XIX в. ассоциируются с именем обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. Неудивительно, что он являлся адресатом архаизаторских проектов, касающихся церковнославянского языка. Рассмотрим некоторые из этих проектов.

В 1891 году справщик Московской Синодальной типографии М.В. Никольский направил рапорт на имя обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. Рапорт был посвящен вопросу внесения в Типикон и Минею празднований русским святым, которые были исключены из церковного устава при никоновской справе. Рапорт М.В. Никольского¹ заставил Синод в очередной раз начать дело об исправлении Типикона. Практических результатов эта работа не имела, однако высказанные в ходе обсуждения взгляды на церковнославянский язык представляют для нас несомненный интерес. Кроме того, эта дискуссия оказала некоторое влияние и на работу Собора 1917–1918 гг.: в 1917 г. архивное дело, содержащее рапорт М.В. Никольского, было передано в отдел Собора, который, среди прочего, занимался вопросами литургического языка и Типикона.

В рапорте М.В. Никольского три страницы посвящены его языковой программе, в которой достаточно последовательно прослеживается негативное отношение к тому варианту церковнославянского языка, который получился в результате никоновской и иоакимовской книжной справы. Он считает, что "стремление исправителей заменять вполне понятные для всех старославянские формы новыми, слова и фразы, ясные и понятные, другими менее ясными, повело к изменениям, которые в нынешнее время затрудняют научное изучение грамматики церковного языка". [№ 289: л. 7]. Церковнославянский, по мнению М.В. Никольского, является как бы искаженным вариантом старославянского языка, на грамматику которого следует ориентироваться как при преподавании, так и при издании богослужебных книг. В особенности негативными, с его точки зрения, были изменения, внесенные в церковные книги в результате исправлений в конце XVII в. "Наш церковнославянский язык есть объект школьного преподавания, которое должно пойти гораздо успешнее, если нынешний церковный язык будет представлять в большей полноте и чистоте материал для грамматического построения. Для этого вовсе ненужно вводить вновь уже несуществующие в нынешнем языке формы, а достаточно восстановить правильность и последовательность в употреблении некоторых из очень важных грамматических форм в той степени, как это было до изданий 1682 и 1690 года"². [№ 289: л. 7] Безусловно, что в этой связи важным является возвращение к дониконовской орфографии, "так как эта орфография в большинстве случаев была не условная, а чисто фонетическая". [№ 289: л. 8] Ведь именно в ходе никоновской и иоакимовской справ орфография церковнославянского языка была очень сильно изменена (было установлено строгое распределение дублетных букв и надстрочных знаков, последовательно введен знак каморы для омофоничных грамматических форм, а правописание имен собственных стало строго подчиняться правилам греческой орфографии).

М.В. Никольский предлагает следующую программу исправления богослужебных книг:

- 1) восстановить имперфект, который при справе во многих случаях был заменен перфектом;
- 2) восстановить замененный перфектом аорист ("эта замена является одной из самых характеристических и важнейших нововведенных исправлений" [№ 289: л. 8]);

¹ ГАРФ, ф. 3431, оп. 1 № 289.

² Имеется в виду изданный в 1682 г. при патриархе Иоакиме исправленный Устав и согласованные с ним Минеи, выпущенные в 1689–1691 гг.

3) разделить употребление краткой и полной формы прилагательных и причастий³;
4) восстановить форму двойственного числа там, где она заменена формой множественного числа (рѣкѣ твоею вм. рѣкѣ твоихъ, стажаста твоа родителя вм. стажаста твои родители);

5) восстановить буквы ѣ и ѥ в середине слов (богатѣство вм. богатство, забывѣше вм. забыше);

6) ввести ѡ вместо ѡ после шипящих (дѡшамъ вм. дѡшамъ, стажа вм. стажа);

7) восстановить правописание букв ѡ и ѡ в соответствии с этимологией как в окончаниях – благаѡ вм. благаѡ, так и в корне – свѣтоѡвленно вм. свѣтоавленно, оуѡснилъ вм. оуаснилъ, ѡти вм. ѡти, ѡзыкъ вм. ѡзыкъ. [Отметим, что в синодальном церковнославянском языке слово язык имеет разное написание в зависимости от значения: ѡзыкъ – народ, племя; ѡзыкъ – 1) часть тела, 2) дар слова.];

8) устранить синтаксические и лексические грецизмы, появившиеся в процессе книжной sprawy: изъ несѡщнихъ во еже быти приведей (в изд. 1640 г. – отъ небытѡа въ бытѣе приведей), зданѣе (созданѣе), демони (вѣси), догматы (оученѣе), ѣерархъ (святитель), монахъ (иннокъ)⁴.

Таким образом, мы видим, что М.В. Никольский, старший справщик Московской синодальной типографии (т.е. человек, от которого в значительной степени зависел облик книг, издаваемых этой типографией), достаточно критично относился к книжной справе XVII в., предпочитая язык дониконовских изданий языку современных богослужебных книг.

Весьма любопытной представляется позиция другого корреспондента К.П. Победоносцева – Н.И. Ильминского. В его письмах постоянно присутствуют две казались бы несовместимые темы: защита идеи перевода богослужения на инородческие языки сочетается с резко отрицательным отношением к русификации церковнославянского языка.

Н.И. Ильминский (1822–1891) ориенталист, педагог и миссионер, работал преподавателем арабского, турецкого и татарского языков в Казанской духовной академии. С миссионерскими целями Н.И. Ильминский разработал собственную систему образования инородческого населения Российской империи. Инородцами законы Российской империи называли некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые вследствие самобытного уклада их жизни были поставлены в особое административно-юридическое положение (не несли воинской повинности, не платили всех податей или платили только их часть и т.д.). В 1863 г. им была основана частная школа для крещеных татар. И в 60–70 гг. подобные школы для инородцев (татар, чувашей, марийцев, мордвы и др.), работающие по программе Н.И. Ильминского, открывались одна за другой. В результате местное население, прежде равнодушное к православию, стало активно посещать храмы и сознательно участвовать в церковной жизни. В 1873 г. открылась Казанская учительская семинария – учебное заведение, готовившее учителей для инородческих школ. Благодаря поддержке К.П. Победоносцева в 1883 г. Синод издает указ, согласно которому епархиальный архиерей вправе разрешать богослужение на местном языке, если в епархии имеются крещеные инородцы.

Удача миссионерского эксперимента Н.И. Ильминского связана со специальной подготовкой учителей из среды местных жителей и созданием и переводом на татарский язык (также как потом и на другие инородческие языки) учебной и христианской литературы. Это были буквари, молитвенники, рассказы из священной истории, перевод Евангелия, а также словари и грамматики. Если татарский и киргизский язык были

³ Из текста рапорта неясно, по какому принципу должно быть проведено это разделение.

⁴ Первые два примера взяты М.В. Никольским из первых листов сентябрьской минеи, остальные, по его мнению, являются повсеместно распространенными.

хорошо известны Н.И. Ильминскому, то удмуртский (вотятский), мордовский, марийский (черемисский) он знал не настолько хорошо, чтобы самостоятельно переводить на них христианские тексты. Любопытен метод, который был выработан Н.И. Ильминским для перевода на эти языки. Он работал вместе с одним или двумя носителями языка, знавшими русский. Вот как он описывает работу по переводу на вотяцкий (удмуртский) язык: "Итак начинаю: я диктую своему вотяку по-русски, словами простыми и определенными, предложениями краткими. Говорю одно предложение, он перелагает его на свой родной язык – я пишу. Я говорю по-русски другое предложение, он говорит по-вотяцки – я пишу, и так далее. {...} Написавши таким образом несколько строк, некоторую довольно цельную часть повествования, я снова, в связи уже, перечитываю своему сотруднику. {...} Сначала я настаиваю на ясности, на понятности; потом добиваюсь того, чтобы наше изложение было складно: как сами инородцы складно рассказывают что-нибудь им известное, пусть будет так же складно, правильно по языку и наше писание" [Ильминский 1875: 13]. Язык миссионерских переводов Н.И. Ильминского был противопоставлен татарскому литературному языку и основывался на кириллической (а не на арабской) графике.

Защищая свою позицию, Н.И. Ильминский указывал на неудачу предшествующих переводов, которые были осуществлены в самом начале XIX в. Эти переводы не удовлетворяли Н.И. Ильминского, т.к. были ориентированы не на живой разговорный язык, а на книжный татарский язык, который тесно связан с мусульманской традицией и непонятен крещеным татарам. "А казанские татарские книги, – пишет он, – суть или подражания турецким или джагатайским, или чаще перепечатки турецких или джагатайских книг; в том и другом случае волею-неволею проглядывает и свой казанский тип. От этого так называемый книжный татарский язык представляет неустановившуюся и никакими границами не определенную смесь не только арабских и персидских слов и оборотов, но и смесь туземных татарских слов и грамматических форм с турецкими и джагатайскими. Это уже вошло в татарский вкус: такой неорганизованною смесью пишут и даже нередко говорят люди ученые, а за ними мало-мальски грамотные магометане, но все-таки большинству народа она далеко не вполне понятна" [Ильминский 1875 : 30].

Для Н.И. Ильминского книжный татарский язык – язык мусульманской культуры, и овладение им крещеными татарами может способствовать отпадению их в мусульманство. Таким образом, тип книжного языка оказывается тесно связан с конфессиональной ориентацией. Именно поэтому, по мнению Н.И. Ильминского, крайне неудачным для миссионерских целей был выбор арабской графики. Алфавит также непосредственно связан с религией. Он пишет, что в основе письменности католического мира и отделившегося от него протестантского лежит латинский алфавит, православные славяне пользуются греческим алфавитом, малоазийские греки говорят по-турецки, а их турецкая Библия написана греческими буквами, евреи же, на каком бы языке не говорили и писали, пользуются еврейскими буквами. Следовательно, "алфавит знаменует преимущественно религиозную связь народов" [Ильминский 1875 : 37] и переводы вероучительных текстов на языки народов Российской империи должны опираться на русскую графику.

Переводы Н.И. Ильминского являются типично миссионерским предприятием. Он осознает себя продолжателем трудов Кирилла и Мефодия и Стефана Пермского. Ориентация на их опыт ведет к воспроизведению (возможно бессознательному) ряда особенностей средневековой переводческой техники. А. Шоберг [Sjöberg 1990], анализируя причины лексической вариативности в кирилло-мефодиевских переводах, указывает на то, что славянские первоучители могли переводить с голоса, диктуя одному или нескольким ученикам, которые записывали текст в соответствии с собственным вкусом и языковыми представлениями. Не вдаваясь в анализ аргументов, отметим, что Н.И. Ильминский действовал так же, как, согласно реконструкции А. Шоберга, работали Солунские братья, и являлся живущим в XIX в. носителем средневековой переводческой идеологии.

Опыты миссионерских переводов безусловно повлияли на отношение Н.И. Ильминского к проблеме церковнославянского языка. Основным принципом таких переводов, по его мнению, является "ясность и складность". И кирилло-мефодиевский перевод воспринимается Н.И. Ильминским как образцовый, потому что он был создан с миссионерскими целями, и следовательно, прост и понятен. В его известной работе "Размышления о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтири и Евангелия", кроме примеров, демонстрирующих преимущество дониконовской редакции церковнославянских текстов, есть весьма любопытные теоретические построения, отражающие его взгляды на церковнославянский язык [Ильминский 1882; 1886]⁵.

В письме к К.П. Победоносцеву (1883 г.) Н.И. Ильминский указывает на причины, побудившие его написать эту работу: «"Размышления" я написал по случайному, но очень возбудительному для меня обстоятельству. В июле 1881 года Преосвященный Сергей (Ляпидевский), тогда архиепископ Казанский, сообщил мне под великим секретом, что учреждена под его председательством Комиссия по вопросу об исправлении церковно-богослужебных книг, которая начнет свои занятия с пересмотра Псалтири и Евангелия. Преосвященный просил сообщить ему мои соображения.» [Савва VII: 92] Н.И. Ильминский не сразу откликнулся на эту просьбу. Лишь когда он узнал, что "комиссия направляет дело к поновлению церковных текстов", он прежде всего из полемических соображений, "метя в комиссию поновителей и искажителей церковных текстов" [Савва VII: 93] пишет свои "Размышления", печатает небольшим тиражом и отправляет К.П. Победоносцеву и архиеп. Сергию (Ляпидевскому). Н.И. Ильминский пишет, что архиеп. Сергей прислал ему письмо, в котором одобрил эту работу, сказав что "статья может охладить излишний жар ревнителей поновления церковного языка" [Савва VII: 94]. Таким образом, мы видим, что "Размышления" явились репликой в дискуссии о судьбах церковнославянского языка.

Взгляды Н.И. Ильминского на церковнославянский язык, изложенные в этой статье, сводятся к следующему:

– Церковнославянский – классический язык, следовательно он не может подвергаться изменениям. "...Должен быть только один церковнославянский – древний, а так называемый средний и новый славянские языки не имеют даже права на название" [Ильминский 1882: 81]. Темные места и откровенные ошибки, на которые обращают внимание книжные справщики, появились в результате порчи первоначального облика текстов. "Изменения мертвого языка ... могут состоять только в ошибках и искажениях, или произвольных изменениях разных рукописей. Это и будет история рукописей данного языка, а не самого языка" [Ильминский 1882: 80].

– Иностраный или классический язык можно выучить путем многократного повторения отдельных слов, выражений и грамматических форм. Точно так же отдельные формы и выражения церковнославянского языка становятся понятны в результате их частого повторения. "*Рече Господь учеником своим*, это для нас так же непосредственно понятно, как и русское выражение: *сказал Господь своим ученикам*. Всякие формы можно поддержать через постоянное повторение. {...} И наоборот, можно всякую форму языка забыть, стоит только вывести ее из употребления. Но раз забывши, уже трудно будет восстановить снова" [Ильминский 1882: 78].

– Любая русификация богослужебного текста – явление неестественное и неорганическое. "Мы уже видели, что русский язык получил особое направление и так далеко отошел от древнеславянского типа, что из соединения его с церковнославянским ничего не может выйти органического и стройного, а выйдет смесь, подобная тому, когда памятник древней архитектуры обезобразят новыми аляповатыми украшениями. Если нужно пояснить содержание и смысл священных или богослужебных

⁵ Книга вышла в двух изданиях в 1882 г. в Казани, и в 1886 г. в С.-Пб. Второе издание снабжено предисловием, приложением по материалам книжной справки и грамматическим очерком. В интересующей нас теоретической части расхождений нет.

книг, для этого может служить пособием перевод чисто русский, как у западных народов католического исповедания есть Евангелие на своем родном языке, а богослужение совершается непременно на языке латинском" [Ильминский 1882: 75]. Русификация богослужебного языка не устраивает Н.И. Ильминского не только с эстетической точки зрения. По его мнению, приближенный к русскому языку, церковнославянский перестанет быть общеславянским достоянием: русифицированный церковнославянский станет менее понятен болгарам, сербам и другим славянским народам. "Церковнославянский перевод не есть наш собственный труд и не наша исключительная собственность. Он принадлежит всем славянским племенам, не только православным, но и иных исповеданий. (...) Чем больше станем мы приспосабливать и приближать текст к своему русскому языку, тем более затруднять будем понимание его для других славянских народов". [Ильминский 1882: 81].

Положительная программа Н.И. Ильминского заключается в постепенном возвращении к первоначальному, очищенному от позднейших наслоений облику богослужебных текстов. "...Следует оставивши церковно-богослужебные книги status quo, теперь же издать древнеславянский текст, по крайней мере, Псалтири и Евангелия, и затем постепенно издавать древнейший текст других священных и богослужебных книг, насколько сохранилось их в древних памятниках". [Ильминский 1882: 82]. Таким образом, восстановление богослужебных текстов в их древнейшем виде решает те же проблемы, что и книжная справа: проясняет смысл отдельных песнопений, избавляет церковнославянский язык от сложных грецизированных конструкций, устраняет явно ошибочные употребления отдельных слов и грамматических форм.

Как уже говорилось выше, идеализация Н.И. Ильминским древнейшего облика текста связана с его переводческой деятельностью. Считая "ясность и складность" основным требованием к миссионерскому переводу, он полагал, что церковнославянская книжность обретет эти качества через возвращение к кирилло-мефодиевскому облику текста.

В связи с поддерживаемыми К.П. Победоносцевым проектами следует упомянуть и педагогическую программу С.А. Рачинского, талантливого педагога-просветителя, создавшего новый тип сельской школы.

После окончания Московского университета С.А. Рачинский, изучавший естественные науки и ботанику, занимается научной работой в Берлине и Йене. Однако вскоре он прекращает научную деятельность и, переехав в свое имение на родине, основывает в с. Татево сельскую школу, где пытается реализовать свои педагогические идеи. Формально педагогическая система С.А. Рачинского может быть названа архаизаторской, так как начальное обучение родному языку основывается не на русских текстах, а на церковнославянских. По мнению С.А. Рачинского, в качестве учебного материала церковнославянский текст имеет перед русским ряд преимуществ. 1) Книжное произношение совпадает с правописанием. Требование "читай как написано" хорошо применимо к церковнославянскому языку (и неприменимо к русскому), что естественно облегчает процесс обучения. 2) Раздельное обучение чтению и письму также является удобным для ученика: нет необходимости сразу запоминать два варианта одной буквы – письменный и печатный. В результате изучение алфавита занимает немного времени, и дети почти сразу могут читать. 3) Речитативное церковное чтение оказывается хорошим способом борьбы с детским заиканием. 4) Церковнославянские книги российскому крестьянину легче найти, чем русские. [Рачинский 1991: 49–53]. Еще раз подчеркнем, что программа С.А. Рачинского не идеологична. Он опирается лишь на свои личные педагогические наблюдения.

Весьма любопытным в этой связи представляется его замечание о восприятии деревенскими детьми литературных текстов XIX в.: «Имею случай много читать с ними. много говорить с ними о том, что они читают. Что же делать, если вся наша поддельная народная литература претит им, и мы принуждены обращаться к литературе настоящей, неподдельной? Если при этом оказывается, что Некрасов и Островский им в горло не лезут, а

следят они с замиранием сердца за терзанием Брута, за гибелью Кориолана? Если мильтоновский сатана им понятнее Павла Ивановича Чичикова? ("Потерянного рая" я и не думал заводить, они сами притащили его в школу). Если "Записки охотника", этот перл гоголевского периода, по прозрачной красоте формы принадлежащий пушкинскому, оставляет их равнодушными, а "Ундина" Жуковского с первых стихов овладевает ими? Если им легче проникнуть с Гомером в греческий Олимп, чем с Гоголем в быт петербургских чиновников?» [Рачинский 1991: 48].

Идеи С.А. Рачинского были близки стремлению К.П. Победоносцева сделать народное образование делом церкви. Основанная на практических наблюдениях ориентация на церковную культуру и церковнославянские тексты вполне соответствовала теоретическим построениям К.П. Победоносцева. Как известно, благодаря содействию обер-прокурора, педагогические идеи С.А. Рачинского были использованы при подготовке программ церковноприходских школ.

Рассмотренные архаизаторские языковые и педагогические программы кажутся существенными для характеристики функционирования церковнославянского языка в конце XIX в.⁶

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Живов В.М. 1996 – Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Ильминский Н.И. 1875 – О переводах православных христианских книг на инородческих языках. Казань, 1875.
- Ильминский Н.И. 1882 – Размышления о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтири и Евангелия. Казань, 1882.
- Ильминский Н.И. 1886 – Размышления о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтири и Евангелия. СПб., 1886.
- Кравецкий А.Г. 1994 – Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2.
- Кравецкий А.Г. 1996 – Календарно-богослужебная комиссия (1957–1958) // Уч. зап. Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996.
- Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. 1996 – Деятельность епископа Афанасия (Сахарова) по исправлению богослужебных книг. Славяноведение. 1996. № 1.
- Плетнева А.А. 1994 – Исправление богослужебных книг в начале XX века. (Материалы к учебнику церковнославянского языка) // Славяноведение. 1994. № 2.
- Рачинский С.А. 1991 – Сельская школа. М., 1991.
- Савва VII – Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни. Т. I–IX. Сергиев Посад. 1898–1911.
- Naumov A. 1992 – O nowszej literaturze cerkiewnosłowiańskiej // Studia porównawcze z literaturze słowiańskich. Prace Komisji Słowianoznawstwa. 49. 1992.
- Naumov A. 1996 – Wiara i historia. Kraków, 1996.
- Sjöberg A. 1990 – Старославянский перевод Евангелия на фоне бытующей в Европе IX в. теории перевода // Международная церковная научная конференция "Славянская Библия – ее история и вопросы изучения". Москва, 19–23 июня 1990 (отпечатано на множительном аппарате).

⁶ Вне рамок настоящей статьи оказывается проблема соотношения споров о судьбе церковнославянского языка и судьбе латыни в западноевропейском мире. Для дискуссий о языке в России XVIII в. ориентация на западноевропейскую модель была очевидной [Живов 1996]. Для середины XIX в. непосредственная связь с западноевропейскими дискуссиями не прослеживается. Для этого времени уместнее говорить о типологическом сходстве ситуации, а не о непосредственном влиянии.